

ПАВЕЛ КОРСУНСКИЙ

НЕ ВХОДИТ В МОИ ФУНКЦИИ

Павел Корсунский

Не входит в мои функции

«Издательские решения»

Корсунский П.

Не входит в мои функции / П. Корсунский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-696714-4

«Не входит в мои функции».Илье сорок семь лет. Он архитектор, муж, человек, который «непонятно для чего». Однажды ночью, после фразы жены, он скачивает приложение — систему контроля, которая берёт на себя всё, что он не мог сделать сам: зал, режим сна, дедлайны, звонки маме. Система работает. Жизнь выравнивается. Только что-то в ней перестаёт быть его. Повесть о человеке, который делегировал себя — и о том, как дорого это обходится.

ISBN 978-5-00-696714-4

© Корсунский П.
© Издательские решения

Содержание

Павел Корсунский	6
Оглавление	7
Глава 1	8
ФРАЗА	8
Глава 2	10
КОНТРАКТ	10
Глава 3	12
ПЕРВЫЕ НЕДЕЛИ	12
Глава 4	15
ПЕРВЫЙ ОТКАЗ	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Не входит в мои функции

Павел Корсунский

© Павел Корсунский, 2026

ISBN 978-5-0069-6714-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Павел Корсунский
Не входит в мои функции

Повесть
2025

Оглавление

- Глава 1. Фраза
- Глава 2. Контракт
- Глава 3. Первые недели
- Глава 4. Первый отказ
- Глава 5. Торг
- Глава 6. Архитектура
- Глава 7. Гитара
- Глава 8. Слух
- Глава 9. Сближение
- Глава 10. Сжатие
- Глава 11. Встреча
- Глава 12. Тишина
- Глава 13. Двойная жизнь
- Глава 14. Молчание
- Глава 15. Разговор с женой
- Глава 16. Не входит в мои функции

Глава 1

ФРАЗА

Марина мыла посуду.

Я сидел за столом и делал вид, что читаю. Не читал. Смотрел, как она двигается – привычно, экономно, без лишних движений. Спина прямая. Локти чуть разведены. Восемнадцать лет я смотрю на эту спину и до сих пор не знаю – нравится мне это или нет. Наверное это и есть ответ.

За окном был март. Серый, мокрый, никакой. Такой март, который не обещает ничего – просто переходный период между тем, что было, и тем, что будет. Я смотрел в окно поверх книги и думал, что не помню, когда последний раз ждал чего-нибудь от весны.

– Илья, – сказала она. Не вопрос. Просто – Илья. Так говорят, когда хотят убедиться, что человек ещё здесь.

– Угу.

– Ты подал заявку на тот конкурс?

Я подал. Три недели назад. Заполнял форму поздно вечером, пока она спала – не потому что скрывал, просто так вышло. Потом не сказал – не потому что забыл. Просто каждый раз, когда собирался – что-то останавливало. Не страх. Что-то другое. Как будто если не говорить вслух – можно ещё не решать, что это значит.

– Да.

– И?

– Жду ответа.

Она выключила воду. Взяла полотенце. Вытирала руки долго – я считал секунды зачем-то, досчитал до двенадцати. Потом она повернулась.

Не злая. Не усталая. Просто – посмотрела. Так смотрят на человека, которого давно знают и именно поэтому не понимают.

– Ты хороший человек, Илья. Просто непонятно для чего.

И пошла в комнату.

Я остался сидеть.

Звук её шагов по коридору. Потом тишина. Потом где-то в стене тихо щёлкнуло – батарея или трубы, этот звук был всегда, просто обычно я его не слышал.

Книга лежала передо мной открытая на одной странице. Я смотрел на текст и не видел слов – видел буквы, строчки, поля. Как будто читал на языке, который знал когда-то и забыл.

Непонятно для чего.

Встать и зайти к ней – я мог. Спросить, что она имела в виду – тоже мог, хотя прекрасно понимал, что она имела в виду. Именно поэтому не спросил. Потому что если спросить – придётся отвечать. А отвечать – значит знать. А знать – значит делать что-то с этим знанием.

Проще было сидеть.

Я встал. Налил воды. Выпил стоя у раковины – холодная, чуть отдаёт трубами, я всегда это замечаю и всегда забываю купить фильтр. Поставил стакан.

Посмотрел на свои руки.

Обычные руки. Сорок семь лет, мозоль от карандаша на среднем пальце правой, небольшой шрам на запястье левой – упал на стройке лет пятнадцать назад, уже не помню на какой. Я смотрел на эти руки и думал – чьи они. Не в смысле сомнения. В смысле, что не мог вспомнить, когда последний раз делал ими что-то, что сам хотел. Не по работе. Не по надобности. Просто – хотел.

Не вспомнил.

Лёг в половине одиннадцатого.

Марина уже была в спальне – свет под дверью погас, пока я чистил зубы. Я лёг тихо, осторожно, как ложатся, когда не хотят будить. Хотя не знал – спит она или нет. Не спросил.

Потолок был белый и в темноте почти не виден. Где-то за стеной у соседей работал телевизор – неразборчиво, только ритм речи, как будто кто-то что-то объясняет бесконечно долго.

Я лежал и ждал, что мысли успокоятся.

Они не успокаивались.

Непонятно для чего.

Крутилось. Я пытался думать о другом – о проекте, о подрядчике, которому надо позвонить, о молоке в холодильнике. Думал. Потом фраза возвращалась. Я снова уходил в проект. Снова возвращалась.

В какой-то момент я попробовал ответить честно.

Для чего я. Не для кого – для чего.

Лежал и думал. Минуту. Две. Пять.

Ничего не приходило.

Не то, что список был пустой. Просто – как будто вопрос был задан не на том языке. Как будто внутри была комната, куда я давно не заходил, и теперь стоял у двери и не мог вспомнить, есть ли там вообще что-нибудь. Или я сам там есть.

Телевизор за стеной замолчал.

Стало совсем тихо – только трубы, только дыхание Марины рядом, ровное и далёкое одновременно. Восемнадцать лет я сплю рядом с этим дыханием и иногда оно кажется мне самым одиноким звуком, который я знаю.

Я лежал и думал часа три.

Не продуктивно. Просто – гонял по кругу одно и то же. Как это бывает ночью, когда мозг делает вид, что работает а на самом деле просто держит тебя в темноте и не отпускает.

Где-то около двух я понял одну вещь.

Она была права. Не жестокой – просто права. С жестокостью можно спорить. Можно обидеться, замкнуться, придумать, почему она не права. С правотой – нельзя. Правота просто стоит рядом и молчит.

Надо взяться за себя.

Эта мысль пришла, как всегда приходят такие мысли – ночью, в темноте, с ощущением, что вот теперь точно. Не завтра. Сейчас. С этой минуты.

Я знал, что это уже было. Много раз. Что утром будет по-другому – не хуже, просто обычно. Что список дел вытеснит всё остальное и к вечеру от этой ночной ясности останется только усталость.

Знал – и всё равно верил.

Потому что не верить было страшнее.

Заснул я под утро. Последнее, что почувствовал – Марина повернулась на другой бок. Не ко мне. От меня. Или просто так – во сне люди не выбирают направление.

Я сказал себе – просто так.

И провалился в сон.

А на следующий день нашёл в интернете рекламу, которую видел уже раз сто – и всегда пролистывал.

Глава 2

КОНТРАКТ

Утром я проснулся в шесть.

Не потому что нужно было – просто проснулся. Тело само. Как будто внутри что-то щёлкнуло и сказало – хватит. Марина спала – я слышал её дыхание, ровное, глубокое, совсем не такое, как у меня ночью. Я лежал минут пять и смотрел в потолок. Во рту было сухо. В голове – та же тяжесть, что и в три часа, только теперь без мыслей. Просто тяжесть.

Встал тихо. Пошёл на кухню.

Сделал кофе. Сел у окна.

За окном был тот же март – как будто ночь ничего не изменила. Мокрый асфальт, серое небо, одинокий голубь на карнизе напротив. Голубь смотрел на меня с таким видом, будто тоже не выспался. Будто тоже провёл ночь в разговоре с потолком и не получил ответа.

Я держал чашку двумя руками – не потому что холодно, просто нужно было что-то держать.

Ночная ясность ещё была. Не такая острая, как в два часа – чуть размытая, как бывает с утра, когда ночное решение встречается с дневным светом. Но была. *Надо взяться за себя.* Я чувствовал это где-то в груди – не мысль, скорее давление. Как будто что-то распирало изнутри и требовало выхода.

Я достал телефон.

Реклама нашлась быстро – алгоритм уже давно всё знал про меня, наверное лучше, чем я сам. Называлось просто: *«Контролёр. Версия для взрослых.»* Без восклицательных знаков, без улыбающихся людей на фоне закатов. Просто серый минималистичный экран и одна фраза внизу:

«Вы уже знаете что нужно делать. Мы поможем это делать.»

Я смотрел на эту фразу дольше, чем нужно.

Вы уже знаете. Да. Знаю. Всегда знал. Зал, вода, сон, дедлайны, звонки маме. Всё знаю. Проблема не в знании. Проблема в том, что между знанием и действием – пропасть, и я стою на краю этой пропасти уже лет пятнадцать и смотрю вниз.

Мы поможем это делать.

Я нажал.

Условия контракта открылись длинным серым текстом. Я начал читать – привычка, ввевшаяся за двадцать лет работы с документами. Первый пункт. Второй. В третьем шла речь о том, что система интегрируется с календарём, геолокацией, биометрическими данными часов если они есть.

Я остановился на слове «биометрическими».

И вдруг поймал себя на мысли – какая разница.

Нет, правда. Какая разница, что там написано в третьем пункте или в тридцать третьем. Я всё равно подпишу. Не потому что доверяю системе. А потому что устал. Устал каждое утро просыпаться с этой тяжестью и каждый вечер ложиться с ней же. Устал знать и не делать. Устал быть человеком, которому непонятно для чего.

Пусть кто-нибудь другой решает.

Я пролистал до конца не читая.

Нажал «Принять условия».

Потом ещё раз – «Подтвердить».

Пальцы работали сами. Я смотрел на экран как смотрят на что-то неизбежное – без радости, без страха. Просто – делаешь и всё.

Потом был короткий экран с вопросом: «*Что вы хотите изменить в первую очередь?*» И список – здоровье, работа, отношения, финансы, личное развитие. Можно было выбрать несколько.

Я отметил все пять.

Потом подумал секунду и снял «отношения». Посмотрел на экран. Поставил обратно.

Оставил все пять.

Следующий экран предлагал прописать конкретные обязательства. Я печатал минут двадцать – зал три раза в неделю, сон до одиннадцати, вода два литра, дедлайны по проекту, звонок маме по воскресеньям. Вещи, которые я обещал себе сто раз. Которые начинал и бросал. Которые казались простыми, пока не наступал момент их делать – и тогда всегда находилась причина. Уважительная. Убедительная. Моя.

Когда я нажал «Сохранить» – телефон завибрировал коротко. Один раз. Как будто что-то закрылось.

И голос сказал.

Негромко. Спокойно. Без интонации – ни тёплой, ни холодной. Просто голос. Ровный как линия на кардиограмме.

– *Добрый день. Контракт активирован. Сегодня в восемнадцать тридцать – зал.*

Я сидел и слушал как затихает этот голос внутри головы.

Не снаружи. Внутри.

Я впустил его сам. Только что. Нажал кнопку и впустил. И теперь он там – спокойный, без эмоций, без злобы. Просто – там. И уже не выйдет.

Посмотрел на часы. Было семь пятьдесят.

Голубь на карнизе куда-то улетел. Карниз был пустой и мокрый.

Я допил кофе – оно уже остыло, я не заметил когда. Встал. Пошёл искать кроссовки. Нашёл один сразу, второй – под диваном, за какой-то старой книгой. Вытащил. Поставил рядом.

Посмотрел на них.

В зале я не был месяца три.

Глава 3

ПЕРВЫЕ НЕДЕЛИ

Первый раз голос появился в метро.

Я ехал на работу – обычное утро, вторник, народу много, я стоял у двери и смотрел в окно на тёмные стены туннеля. Думал о проекте. О том, что надо переделать узел в западном крыле. О подрядчике, которому всё ещё не позвонил.

И вдруг – изнутри. Не из телефона. Изнутри.

– Через сорок минут – рабочий блок. Дедлайн по первому разделу в пятницу. Готовность – сорок два процента.

Я обернулся. Рефлекторно – как оборачиваются когда кто-то говорит в ухо. Никого. Люди в телефонах, женщина с пакетами, двое студентов. Никто ничего не говорил.

Я достал телефон. Экран тёмный.

Голос был внутри головы. Не как мысль – мысли – я знаю, как они звучат, это мой голос, я его узнаю. Этот был другой. Ровный. Без интонации. Как будто кто-то чужой поселился в голове и говорит оттуда – спокойно, по делу, без разрешения.

Поезд остановился. Двери открылись. Я вышел – не на своей станции, на следующей, не сразу понял. Постоял на платформе. Людской поток обтекал меня с двух сторон.

Нейроинтерфейс. Я же читал – или не читал. Там было что-то про интеграцию с биометрией, про синхронизацию. Я пролистал не глядя. Подписал.

Значит вот так это работает.

Я сказал себе – ну и хорошо. Именно так и должно работать. Чтобы не отвертеться. Чтобы не сделать вид, что не заметил уведомление.

Сел на следующий поезд. Опоздал на семь минут.

Голос не комментировал опоздание. Просто – молчал. И это молчание было почти громче чем слова.

Через месяц Марина спросила, что я делаю с собой.

Не подозрительно – с интересом. Мы ужинали, она смотрела, как я накладываю себе гречку вместо макарон, и спросила просто, между делом. Я сказал – слежу за питанием. Она кивнула. Больше не спрашивала.

Коллега Дима на третьей неделе остановил меня в коридоре.

– Ты чего такой собранный последнее время?

– В смысле?

– Ну. Не знаю. Дедлайны сдаёшь раньше срока. На совещаниях не зеваешь.

Я пожал плечами. Дима посмотрел на меня ещё секунду – как смотрят на человека, в котором что-то изменилось, но непонятно что – и пошёл дальше.

Я шёл по коридору и думал – вот значит как это выглядит снаружи.

Система работала именно так, как обещала. Без фанфар, без мотивационных речей. Просто голос в нужный момент – спокойный, без эмоций, абсолютно уверенный в себе. Пора в зал. Пора спать. Завтра дедлайн по второму разделу – вы готовы?

Первые дни я ждал что начну сопротивляться. Не начал.

Может потому что голос не давил. Не угрожал. Просто напоминал – и если я медлил, напоминал снова. Через пять минут. Через десять. Одно и то же, тем же тоном, без раздражения. Как будильник, у которого нет функции отложить – и который не устаёт. Никогда. Ты можешь не встать. Никто не придёт и не заставит. Но голос скажет об этом ровно и терпеливо,

и через пять минут скажет снова, и через десять, и в какой-то момент встаёшь просто, чтобы он замолчал.

А потом понимаешь что он замолчал. И это – тишина, которую надо заслужить.

В зал я ходил три раза в неделю. Пил воду. Ложился в одиннадцать.

По воскресеньям звонил маме.

Мама каждый раз удивлялась – ты чего звонишь, всё в порядке? Я говорил – да, просто так. Она не верила. Мы разговаривали минут двадцать ни о чём, и я клал трубку с каким-то странным ощущением выполненного долга. Не тепла – именно долга. Но говорил себе, что это нормально. Что так и должно работать в начале.

Однажды в конце второй недели я лёг в одиннадцать ровно – всё выполнено, голос молчал, тело приятно гудело после зала. Лежал на спине и ждал.

Ждал чего-то.

Не знал чего. Просто – ждал. Как будто должно было прийти что-то ещё. Какое-то ощущение, которое бывает, когда всё сделал правильно. Радость. Или покой. Или хотя бы – да, так и надо.

Ничего не пришло.

Было тихо. Голос молчал. За стеной Марина что-то смотрела – смех иногда, тихий, для себя. Я лежал и думал – надо зайти. Посмотреть с ней. Просто – посидеть рядом.

Голос сказал:

– *Оптимальное время засыпания – сейчас. Рекомендую не откладывать.*

Я закрыл глаза.

Заснул быстро. Проснулся по расписанию. Выпил воду. Пошёл в зал.

И не мог понять почему это знание такое – лёгкое. Пустое. Как коробка из-под чего-то тяжёлого.

Проект шёл хорошо.

Культурный центр – самое большое что я делал за двадцать лет. Три этажа, стеклянный атриум, библиотека переходящая в концертный зал. Я придумал это соединение ещё на этапе эскиза – два пространства которые существуют отдельно но дышат вместе. Заказчик принял сразу. Коллеги говорили – это твоя лучшая работа.

Система фиксировала часы. Напоминала о промежуточных дедлайнах. Я сдавал всё вовремя.

Однажды вечером я сидел над чертежами и поймал себя на том что доволен. Просто – доволен. Тихо, без восторга, но по-настоящему. Работа шла. Тело работало. Голова была чистой.

Я подумал – вот значит как это бывает когда всё на месте.

Марина в тот вечер что-то смотрела в соседней комнате. Иногда оттуда доносился смех – она смотрела что-то смешное. Я слышал это краем уха и думал – надо зайти, посмотреть вместе. Потом подумал – дочерчу этот узел и зайду.

Дочертил. Был уже десятый час.

Голос сказал – через час сон. Рекомендую завершить активную работу.

Я сохранил файл. Закрыл ноутбук.

В соседней комнате было тихо – Марина уже выключила телевизор. Я постоял у двери секунду. За дверью была темнота и тишина и восемнадцать лет жизни с человеком, которого я любил – или думал что любил, или не знал как это проверить.

Не зашёл.

Пошёл чистить зубы.

Лёг в одиннадцать ровно.

Лежал и думал что всё идёт правильно. Что наконец. Что вот теперь.

Заснул быстро – впервые за долгое время без этой ночной карусели в голове. Голос молчал. Всё было выполнено. Тишина была заслуженной.

И не заметил что в соседней комнате Марина ещё долго не спала.

Глава 4

ПЕРВЫЙ ОТКАЗ

В среду вечером я не хотел идти в зал.

Не потому что устал – рабочий день был обычный, ничего особенного. Просто сидел у окна с чашкой чая и смотрел как темнеет улица. Фонари зажглись один за другим – сначала дальние, потом ближние. Было хорошо. Тихо. Тепло от чашки в руках. Никуда не хотелось.

Голос сказал в восемнадцать тридцать:

– Зал. Через двадцать минут.

Я поставил чашку. Посидел ещё минуту. Никуда не пошёл.

Голос сказал в восемнадцать тридцать пять:

– Зал. Через пятнадцать минут. Рекомендую выйти сейчас с учётом времени в пути.

Я смотрел в окно. Последний фонарь зажёгся у самого угла – мигнул сначала, потом устоялся. Улица стала другой. Вечерней.

Голос сказал в восемнадцать сорок:

– Зал. Через десять минут. При опоздании более пяти минут тренировка засчитывается частично.

Я встал.

Не потому что захотел. Просто – встал. Потому что голос вернётся через пять минут и скажет то же самое, и через пять минут после этого тоже скажет, и будет говорить ровно и терпеливо, пока я не встану или пока не истечёт время и тогда скажет про нарушение и индекс и работодателя. Проще было встать.

Пошёл в спальню. Достал форму из ящика – серая футболка, чёрные шорты, всё мятое, лежало с прошлой недели. Переоделся. Взял сумку.

В зеркале в прихожей на секунду увидел себя – в спортивной форме, с сумкой, готового идти. Правильный вид. Человек который следит за собой. Я смотрел на это отражение и думал – это я или то каким я должен быть. Разницы не было видно. Это беспокоило.

В лифте я поймал себя на странной мысли – я сейчас иду потому что хочу или потому что голос сказал?

Попробовал ответить честно.

Не знал.

В зале пахло хлоркой и чужим потом и какой-то резиной от новых ковриков. Обычный вечер – человек десять, кто-то в наушниках, кто-то смотрит в телефон между подходами, женщина на эллипсоиде смотрит в потолок с таким видом, будто считает минуты. Я переоделся в раздевалке – холодная плитка под ногами, чужие замки на шкафчиках, чья-то мокрая куртка на крючке. Вышел в зал. Встал на беговую дорожку.

Первые десять минут шёл – просто шёл, разогревался. Голос молчал. Система фиксировала пульс, шаги, время – я видел цифры на экране часов. Всё в норме. Всё как надо. Я смотрел на эти цифры и думал, что они знают обо мне больше, чем я сам – когда я устал, когда напряжён, когда сплю плохо. Цифры не врут. Цифры просто – есть.

Потом побежал.

На четвёртой минуте я вдруг подумал – когда я последний раз бегал потому что хотел бежать? Не для показателей. Не по расписанию. Просто – вышел и побежал, потому что тело само просило движения, потому что было что-то внутри, что требовало выхода.

Не мог вспомнить.

В студенчестве, наверное. Мы с Лёшкой Грозовым иногда бегали по набережной ранним утром – просто так, без цели, разговаривали на бегу про всякую ерунду. Лёшка сейчас жил в другом городе, мы не виделись лет семь. Я даже не знал, есть ли у него дети. Я не знал почти ничего о человеке с которым когда-то бегал по набережной и казалось, что так будет всегда.

Я увеличил скорость.

Голос сказал спокойно:

– Оптимальный темп для вашего пульса – на два деления ниже.

Моя рука потянулась к кнопке.

Я убрал скорость – и только потом осознал что сделал это. Не подумал. Не решил. Просто – голос сказал, рука сделала. Между командой и действием не было паузы, в которой живёт человек. Была только команда и действие.

Я смотрел на свою руку на кнопке.

Чья она.

Побежал дальше.

Через полчаса я стоял под душем и смотрел на плитку перед собой. Серая, влажная, с тёмной полосой затирки. Обычная плитка. Голос подтвердил что тренировка выполнена – коротко, без похвалы, просто факт. Тело было приятно усталым.

Я стоял и пытался понять – мне было хорошо?

Было. Наверное.

Или просто – нормально. Как бывает, когда сделал, что должен был сделать. Закрыв задачу. Поставил галочку. Не радость – облегчение что голос теперь замолчит до завтра.

Я оделся. Вышел на улицу.

Было уже темно. Пахло мокрым асфальтом и где-то – едой из кафе напротив. Тёплый свет в окне, силуэты людей, кто-то смеётся. Я остановился на секунду. Подумал – можно было бы зайти, съесть что-нибудь, просто посидеть среди людей, которые никуда не спешат.

Голос сказал:

– Через сорок минут – ужин. Рекомендован белок и овощи. Кафе рядом не соответствует плану питания.

Я пошёл домой.

Дома Марина что-то готовила на кухне. Запах лука и чего-то горячего. Я разулся, повесил куртку.

– Сходил? – спросила она не оборачиваясь.

– Да.

– Хорошо.

Она помешала что-то в кастрюле. Я сел за стол. Смотрел на её спину – та же спина, что восемнадцать лет, те же движения. Мы поужинали почти молча. Голос напомнил про воду – я выпил стакан.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.